

ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию Сурниной Лидии Егоровны «Субъектные формы выражения
авторского сознания в крестьянском цикле стихотворений И. А. Куратова»
на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности
10.01.02 – Литература народов Российской Федерации (финно-угорская)

Роль И. А. Куратова в становлении коми словесности, в развитии поэтического сознания коми народа трудно переоценить. Именно поэтому представленное диссертационное исследование важно для понимания художественно-творческой эволюции не только коми, но и других родственных народов России, чьи истории национальных литератур сегодня нуждаются если не в переписывании, то в новой интерпретации и осмыслении. О творчестве Куратова существует довольно большая научная литература, однако, как справедливо указывает диссертантка, достаточно долго исследовательская традиция изучения наследия поэта развивалась в русле социологического, классового подхода. Иное направление исследований наметилось лишь в последние полтора-два десятилетия, сюда следует отнести работы В. Н. Вулих, В. А. Латышевой, В. Н. Демина, Г. И. Тираспольского, П. Ф. Лимерова, В. А. Лимеровой и некоторых других ученых.

Объектом внимания в диссертации стали крестьянские стихи Куратова, преимущественно складывающиеся в циклы, предметом – субъектная организация его крестьянской лирики, что определило и актуальность, и новизну диссертационного исследования, поскольку в заданном аспекте стихи Куратова столь подробно и обстоятельно не рассматривались, анализ же субъектно-образной структуры стихов поэта позволил исследовательнице выйти на глубокие философские обобщения, уточнить и скорректировать представление о мировоззренческих основах художественного сознания Куратова, о широких связях и взаимодействии его лирики не только с русской, но и с европейской литературной традицией, не теряя фольклорных корней и истоков, ввести поэта в контекст мировой литературы. Это позволяет говорить о развитии Л. Е. Сурниной нового, современного подхода к исследованию творчества Куратова и национальной коми поэзии в целом.

Во Введении диссертантка определяет место Куратова в литературе его времени и, прежде всего, в развитии литературных форм коми словесности. Объект исследования – крестьянские стихи Куратова – выбран ею далеко не случайно. Сам Куратов был озабочен формированием письменной традиции коми и тем, как представлен его народ в сфере культуры других народов и языков. Его эстетические поиски, как подчеркивает исследовательница, были весьма актуальны для литературной ситуации середины и второй половины XIX в., времени демократизации художественного сознания и

расширения социальной базы литературы. Согласимся с мнением диссертантки: «Поставив в центр внимания собственные переживания поэта-разночинца, И. Куратов в своем творчестве <оказался> созвучен отечественной литературе своего времени».

В работе Л. Е. Сурниной охвачены все основные уровни субъектной организации стихотворений Куратова крестьянской тематики: она последовательно рассматривает стихи с ролевым героем, с повествовательной формой высказывания и с лирическим героем, устанавливая полисубъектность лирики поэта. Теоретической основой диссертации послужили, главным образом, труды Б. О. Кормана и ученых его школы, что не исключает обращения диссертантки к работам М. М. Бахтина, Л. Я. Гинзбург, С. Н. Бройтмана и многих других. Диссертантка учитывает исторический ракурс анализа проблемы автора и субъектных форм лирического высказывания; опираясь на работы Кормана, она устанавливает реалистическую природу лирики Куратова, и в этом плане ее исследование может служить еще одним аргументом в пользу тезиса о развитии реалистического типа письма в отечественной поэзии середины XIX века.

В первой главе диссертации рассматривается ролевая лирика поэта. Отмечаются предшественники Куратова в создании коми национальной поэзии – П. Ф. Клочков, Г. С. Лыткин, сохраняющие в своих стихотворениях песенную жанровую форму. Не просто продолжая, но развивая эту линию, Куратов, как пишет диссертантка, «“дает слово” своим героям, отличным от него по психологическому складу и социальному положению», «сквозной темой в произведениях с ролевым героем» становится «тема конкретной судьбы представителей коми народа» (с. 23). В стихотворениях поэта «воспроизводится внутренний облик крестьян, стариков и старух, деревенских парней и девушек».

Анализ конкретных стихотворений Куратова, осуществленный Л. Е. Сурниной, отличается глубиной и тонкостью. Рассматривая образ-переживание героя того или иного стихотворения, исследовательница везде выходит на обобщающий уровень и показывает, что, выражая индивидуальные чувства, стихотворение Куратова передает в то же время чувства многих, стоящих за его строкой, содержит общенародные представления и ценности, в частности, о лучшей доле человека в мире, о том, к чему человек стремится, о чем мечтает и пр.; наконец, в отличие от ряда других поэтов, Куратов доводит образ своего героя до социального типа, до обобщения исторической и национальной судьбы коми человека. Сопоставляя стихи Куратова со стихотворениями возможных литературных предшественников – А. В. Кольцова и И. С. Никитина, исследовательница подчеркивает существенное отличие коми поэта: «И. Куратов словно спорит с таким представлением о человеческом счастье (что представлено у Кольцова. – Е. С.), противопоставляя везению и молодецкой удали Лихача Кудрявича оптимизм человека,

укорененного в труде и потому имеющего надежду поправить безрадостное положение собственными силами» (с. 29). Ее уточнение весьма существенно и может стать основой для последующих сопоставительных размышлений над различием в ментальности разных народов, выраженной в народных и авторских песнях. Следует отметить также сравнение стихотворения «Деревенская девушка городскому барину» с «Подругой угольщика» Р. Бернса, а в особенности анализ стихотворений «Порысь морт» (Старый человек, 1959) и «Исповедь», герои которых выражают тяжелые, негативные переживания, связанные с их положением в семье, среди родных. Исследовательница привлекает к анализу народные протяжные и хороводные песни, сохранившиеся в записях Куратова и выдающие печать его авторской поэтической субъективности.

Вторая глава диссертации посвящена разбору т. н. повествовательной или эпической поэзии Куратова, в которой поэт, по мнению диссертантки, стремился создать «портрет сельского коллектива». Еще раз стоит отметить и особо выделить мастерство, проявленное Л. Е. Сурниной при анализе конкретных стихотворений Куратова. Разбирая стихотворение «Тима, дерт нин, пöрысь» («Тима, конечно же, стар»), она воссоздает оригинальный характер старика, вырастающий именно из специфики речи, из многоголосья – передачи голосов сельчан и самого героя в речи повествователя. Рассматривая стихотворение «Пöч» («Старуха»), исследователь отдает предпочтение средствам поэтического синтаксиса, использует также элементы мифопоэтики, существенные для понимания образа героини-старухи. При анализе ряда стихотворений о молодежи подчеркивает, что они могут складываться в отдельный цикл, тематическое единство, в котором утверждается единый круг ценностей – здоровья, радостей, тепла семейной жизни. В других произведениях Куратова в качестве основного выделяется уровень лирической событийности – стихотворение организуют ситуации деревенских посиделок, гостевания, причем автор занимает наблюдательную позицию, словно заставляя нас последовательно рассматривать каждого из участников действия, знакомит с их именами, выполняющими знаковую функцию – отнесения к коми народной традиции. «И на геройном, и на структурно-субъектном уровне, – пишет Л. Е. Сурнина, – поэт стремится воплотить мысль о внутреннем единстве сельского коллектива, в котором каждый имеет место не только как индивидуальная личность, но и как гарант существования традиции. Путем подключения повествователя к точке зрения героев, он сам оказывается включенным в мир, т.е. подключенным к общенародной традиции» (с. 99).

В третьей главе диссертации рассмотрению подвергаются стихотворения Куратова с полисубъектной организацией текста, представляющей множественность крестьянского

сознания. Это и стихи с лирическим героем, и те, в которых объединяются ролевой герой и автор-повествователь: в них воплощается и образ народа как «множество различных личностей», и образ самого автора – «человека, в разных ситуациях сохраняющего связь со своим народом». Через анализ субъектной структуры диссертантка выходит к смысловому пространству стихотворений, к философским выводам – своего рода философии жизни крестьянских героев Куратова и самого поэта. Так, например, рассматривая связь стихотворения «Микол» с народной сказкой, в речевой организации текста, в смене речевых субъектов и точек зрения исследователь выявляет взаимодействие отдельной личности и сельского коллектива, оценивающего поведение этой личности, выбивающейся из общей массы. В тексте диссертации подчеркивается, что автор стихотворения присоединяется к мнению сельчан, но дает возможность выразить себя и личности героя, хвастуна и мечтателя. Диссертантка оправданно спорит с мнением авторитетного исследователя (с.110), как и поэт, защищает героя стихотворения от излишнего осуждения и приведения к «общей строке».

В работе Л. Е. Сурниной происходит отход от социально ориентированных форм анализа стихов. Благодаря углубленному филологически осмысленному вчитыванию в стихотворения Куратова (филолог, как известно, – «учитель медленного чтения», писал еще Ф. Ницше) диссертантке удается дать развернутый, практически исчерпывающий анализ различных форм субъектной организации крестьянских произведений поэта, и сам ход, и результат которого вполне может быть спроецирован на другие разделы лирики Куратова. Через выбранный аспект исследования Л. Е. Сурнина формулирует важные положения о мировоззренческой системе поэта, о близости его философии к народной философии жизни.

Тем не менее, по ходу чтения работы у оппонента возникло несколько вопросов к исследовательнице. В первой главе вызывает некоторое сомнение положение Л. Е. Сурниной о том, что «именно в народных лирических песнях «рождается» ролевая форма: чтобы песня действительно получила всенародное распространение, чтобы она могла петься решительно всеми, буквально каждым, ее герои должны быть непременно «ролевыми» (с. 22). Можно ли народную, в особенности лирическую/протяжную песню назвать ролевой? Представляется, что ролевые стихи рождаются в авторской поэзии, т. к. автор-поэт заведомо не является ни «косарем», ни «огородником», ни «пьяницей», ни безнравственным негодяем и пр. – он сознательно ставит себя в эту роль в данном стихотворении. Иное, думается, было в народе. Ямщицкие песни создавались/пелись ямщиками, девичьи – девушками, печальными о возлюбленном, прощальные рекрутские – рекрутами и т.д., но потом их могли исполнять и с их лирическим

переживанием могли идентифицировать себя кто угодно – любые ямщики, девушки, рекруты и т.п. Вряд ли можно называть эти песни ролевыми, поскольку это не «роли» и не «ролевые герои», а искреннее проживание поющим своей доли, своего жизненного удела, к которому затем может присоединиться любой поющий или слушающий.

Второе сомнение и одновременно вопрос.

Безусловно, многие крестьянские стихи Куратова – действительно ролевые, и в их создании одинаково важен был опыт как народной поэзии, так и – что касается их субъектной организации – лирической поэзии, уже имевшейся в литературе, и прежде всего я бы назвала здесь опыт Н. А. Некрасова. В целом, мне не очень понятны причины последовательного пропуска Л. Е. Сурниной естественно напрашивающихся сопоставлений крестьянских стихотворений Куратова со стихами Некрасова. Ведь именно этот поэт сделал ролевую лирику всеобщим достоянием поэзии, он обновил и развил опыт и Кольцова, и Никитина, ввел ролевые стихи в полифоническую систему своей поэзии как равноправные и необходимые ее составные части. Автор диссертации (вынужденно повторюсь) ведет многоголосость к народной песне, но где она там? Только если на композиционном уровне. Реально же эту многоголосость сделал достоянием профессиональной лирики опять-таки Некрасов, до него в этом русле работал Кольцов, но соединение персонажного (ролевого) и авторского уровней и слоев субъектности и образности произошло только у Некрасова. Все эти моменты прекрасно разобраны в монографии о Некрасове Б. О. Кормана, работами которого активно пользуется автор диссертации. Отсюда, мне осталось непонятным, почему, например, автор диссертации сопоставляет стихи Куратова от лица девушки и женщины со стихотворениями Р. Бернса – и проходит мимо «панаевского цикла» Некрасова, где в профессиональной русской поэзии едва ли не впервые («соперником» может быть только Ф. Тютчев) выражены переживания страдающей женщины, рядом с лирическим героем представлено другое сознание, другой – женский – субъект. Конечно, это не народное, не крестьянское сознание, но важны принципы его введения в лирическое стихотворение, важен голос, который дает героине поэт. То же можно сказать и по ряду других тем. Так, в стихотворении Куратова «Смерть юноши» изображена ранняя смерть молодого еще человека, которую тяжело переживают его домашние. Почему бы не вспомнить в этой связи стихи о смерти Некрасова («Памяти Асенковой», поэму «Мороз Красный нос» и мн. др.), который едва не впервые перевел тему смерти как традиционную для поэзии в конкретный социальный и эпический регистр.

Наконец третье сомнение или небольшое замечание. Л. Е. Сурнина чаще всего дает свой перевод стихотворений Куратова, перевод, по-видимому, достаточно точный, но в

нем теряется стихотворная ритмика, размер и пр., т.е. анализ идет, в основном, на уровне содержательных особенностей поэтики, а выраженность субъектно-образной структуры в поэтическом языке – опускается. Хотелось бы услышать, насколько сам стихотворный строй анализируемых произведений И. Куратова отвечает представленным в нем субъектам сознания и речи, вообще, насколько Куратов обновил стихотворную технику коми поэзии в сравнении и со своими немногочисленными предшественниками, и с народными песнями, на которые он опирался.

Высказанные проблемные замечания и вопросы не меняют общего, целиком положительного, восприятия данной диссертационной работы. Автор, безусловно, справился с поставленными задачами, диссертацию отличает высокий теоретический уровень исследования, велика и практическая значимость работы, поскольку ее выводы, а особенно образцы анализа могут использоваться в процессе преподавания, при составлении академической истории коми литературы и литератур других родственных народов, работа, несомненно, обогащает научное знание о развитии коми литературы и поэзии в XIX веке. Диссертация Л. Е. Сурниной является самостоятельным, завершенным научно-квалификационным исследованием, посвященным изучению и решению важной научной проблемы – исследованию субъектной организации крестьянских стихов И. А. Куратова в составе его лирической системы, в соотнесении с предшественниками и современными ему поэтами. Автореферат и опубликованные работы отражают содержание диссертации. На этом основании можно констатировать, что диссертация Лидии Егоровны Сурниной «Субъектные формы выражения авторского сознания в крестьянском цикле стихотворений И. А. Куратова» соответствует всем требованиям, изложенным в п. 9-14 действующего «Положения о присуждении ученых степеней». Автор диссертации, Сурнина Лидия Егоровна, заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.02 – Литература народов Российской Федерации (финно-угорская)

Доктор филологических наук, профессор,
зав. сектором истории литературы ФГБУН «Институт истории
и археологии» Уральского отделения Российской Академии наук
620142 г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, д. 16
Тел. +7(343)3745340; моб. тел. +79221167948
es8591@yandex.ru

Созина Е. К.

Подпись Е.К. Созина
Старший инженер
13.09.2019 г.

